

СОДЗИ СИМАДА

ГОЛОВА
НА СЕРЕБРЯНОМ
БЛЮДЕ

МОСКВА

ХОНКАКУ-ДЕТЕКТИВ

СОДЗИ СИМАДА

ГОЛОВА
НА СЕРЕБРЯНОМ
БЛЮДЕ

МОСКВА

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44
С37

Soji Shimada
АТОПОСУ アトポス

Copyright © 1996 Soji Shimada. All rights reserved. First published in 1996 by Kodansha Ltd., Tokyo. Publication rights for this Russian edition arranged through Kodansha Ltd., Tokyo

KODANSHA

Симада, Содзи.

С37 Голова на серебряном блюде / Содзи Симада ; [перевод с японского Н. В. Сумской]. — Москва : Эксмо, 2025. — 640 с.

ISBN 978-5-04-206336-7

Смерть знаменитого писателя Майкла Баркли была страшна. Ему нанесли несколько десятков ударов ножом, затем отрубили голову и положили ее на серебряное блюдо. В это же время исчезает звезда Голливуда Шэрон Мур. В ее доме обнаружена надпись кровью «Помогите!» и слова в блокноте: «Если так будет продолжаться, меня похитит и убьет чудовище». А затем некто, кого очевидцы описывают как «лысое чудовище с окровавленным лицом», начинает красть детей из семей заслуженных кинематографистов. Такие похищения и похожее существо описаны в романе Баркли, законченном как раз перед его смертью...

А за тысячи километров от Лос-Анджелеса, в соленых водах Мертвого моря плавает причудливая декорация. Здесь снимают «Саломею» – блокбастер на библейскую тему о царевне, потребовавшей голову Иоанна Крестителя на серебряном блюде. Именно ее должна была сыграть исчезнувшая Шэрон Мур. События в Голливуде явно связаны с этими натурными съемками, но каким образом? Разобраться под силу лишь гениальному японскому сыщику Киёси Митарай, другу актрисы Леоны Мацудзаки, которая исполнит роль Саломеи вместо пропавшей актрисы...

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44

© Сумская Н. В., перевод
на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206336-7

ПЕРВЫЙ ПРОЛОГ

— Раз за разом я вижу один и тот же сон.
— Да? И какой же? — спросил психиатр Пол Дрисдейл спокойным голосом.

— Не то чтобы он снится мне каждую ночь... Напротив, сны я вижу самые разные. Но один из них все время повторяется. И даже когда я вижу другие сюжеты, они все равно часто связаны с ним. Ужасающая картина...

— Опишите ее.

— Из моего лица фонтаном хлещет кровь.

— У вас появляются раны?

— Нет. Кровь течет из пор и покрывает мое лицо.

— И всегда в ваших снах фигурируют столь пугающие сцены?

— Но это не всё. Происходит еще много чего. Не знаю почему, но чаще всего в первой части сна мне радостно. Я веселюсь за каким-нибудь занятием...

— А что вы делаете? Просто смеетесь или...

— В одном из последних снов я ела сэндвичи вместе с подругой на лужайке. Вдруг перед глазами у меня возникло зеркало. Я удивленно поняла, что все мое лицо в отражении покрыто красными точками, похожими на божьих коровок. Затем точки быстро раздулись и превратились в сплошное полотно. Оно медленно начало сползать по коже. Как сейчас я помню ощущение стекающей крови и ее мерзкий запах... У меня вырвался крик. Я схватилась за лицо руками, и они испачкались

в липкой крови. Вдруг я вспомнила, как мы ссорились с подружкой, сидящей возле меня. Мы всегда были очень близки, но сейчас я вдруг поняла, как сильно она меня раздражает... Тут я вздрогнула, потому что сэндвич начал хрустеть. Присмотревшись, поняла, что сэндвичи в корзинке набиты камешками. Подруга, с которой мы делили обед, каким-то образом переместилась на верхушку высокого дерева и глядела на меня оттуда со злобным оскалом. Я выплюнула сэндвич в окровавленные руки. Но оказалось, что скрипели у меня во рту не камешки, а собственные зубы. Я испуганно попыталась выплюнуть их, и они падали мне в ладони. В конце концов во рту у меня остались лишь голые десны.

— Любопытно...

— Только прошу вас, доктор, оставим в стороне банальную аналитику. Я тоже читаю кое-какие книги по психологии и догадываюсь, что у меня за состояние. Есть у меня, как у актрисы, один большой страх. И я предпочла бы умереть, нежели столкнуться с этой ситуацией. Думаю, этот страх и сказывается на моих снах.

— Менструальный цикл у вас в норме?

— Не совсем, но серьезных отклонений нет.

— Кровь на лице и выпадение зубов — это всё?

— Еще все время выпадают волосы. На висках они остаются, а вот на макушке блестит гладкая лысина.

— На ней есть кровь?

— Нет. Кровь у меня только на лице. Очень редко мне снится, как выпавшие зубы скапливаются во рту, а с пальцев отслаиваются ногти. Зато я постоянно вижу кровавое лицо и лысую голову. В самых разных снах у меня всплывают такие сцены, и тогда я в ужасе просыпаюсь посреди ночи или на рассвете.

— Может, вы вскакиваете с кровати или принимаете сидячее положение?

— Нет, такого не бывает. Я просто лежу с широко раскрытыми глазами. По лицу текут слезы, и я в страхе думаю, что это кровь. Осторожно дотрагиваюсь до кожи пальцами, смотрю на них и облегченно вздыхаю. Ощупываю щеки и лоб — ничего. Тогда я уже окончательно успокаиваюсь. В такие моменты я твердо обещаю себе быть сильной, что бы меня ни ждало в будущем. Думаю, после снов, где с моим лицом происходят такие ужасы, я выдержу что угодно.

— И вам удастся следовать этому обещанию?

— Сложно сказать. Я быстро забываю про сон. Но позже эти образы опять навещают меня.

— То есть не только по ночам, в кровати?

— В последнее время не только ночью. Бывает, и когда я не сплю...

Воцарилось молчание. Дрисдейл с вопросительным видом ждал, когда пациентка продолжит. Но Леона откинулась на кушетку, напоминая кресло в кабинете стоматолога, прикрыла глаза и больше не собиралась говорить.

— Леона, прошу вас ответить мне. Вы принимаете наркотики?

Та промолчала.

— Леона, я не полицейский. Я не пытаюсь уличить вас в чем-то плохом. И я не просто так задаю этот вопрос.

Открыв глаза, Леона тихо сказала:

— Наркотики я люблю. По крайней мере, больше, чем секс.

По лицу психиатра было видно, что он ждал такого ответа.

— Мне хорошо понятно, в чем дело. Сейчас я чувствую себя загнанной в тупик. И мучительная тревога, что гложет меня, проистекает от моей слабости, от чувства стыда — главным образом от того, что без нарко-

тиков я жить не могу. Уверена, доктор, именно это вы и хотели сказать, так что я это сделала за вас.

— Амфетамин употребляли?

— Это что?.. Про него я не слышала. И, если можно, я не хотела бы говорить, что за наркотики пробовала. Для меня вещества — все равно что секс. Это как если бы мне сказали перечислить имена мужчин, которым я отдавалась. У меня нет желания объясняться за свое аморальное поведение. Двигал ли мной, как и другими голливудскими актрисами, мимолетный интерес? Жажда приятных ощущений? Отчасти да, но причина не в праздном любопытстве. Как бы это сказать... Это моя естественная потребность — словно у цветов в воде. Сам факт моего существования вызывает у меня крайнее чувство беспокойства. Даже не так — страх и чувство вины. Я ощущаю себя человеком, которому нельзя позволять свободно жить в обществе. Мне очень сложно объяснить...

Леона замолчала. Психиатр терпеливо ждал, никак не пытаясь ей помочь.

— Как бы точнее выразиться... Ни в английском, ни в японском, ни в других известных мне языках подходящих слов нет. Сама удивляюсь, отчего мне так трудно. От одной лишь мысли об этом я чувствую себя в западне, и вот уже хочется плакать. Мне кажется, будто я понимаю причину своего состояния, и в то же время сознаю, что все это совершенно пустые, неверные догадки. Это просто невыносимо. Думаю, вы и сами видите, каково мне от одних визитов к психиатру. А когда я остаюсь дома в одиночестве, мне становится совсем тяжело. Настоящая мука... Но я вам еще не все рассказала. Наверное, таких пациентов, как я, вам до сих пор не встречалось. Уверена, я редкий случай. Сама не понимаю, что творю, пугаюсь — и в результате подседа на вещества...

— Но расплата за наркотики — утрата собственного «я». В результате вы становитесь все более склонны к насилию и не можете контролировать саму себя.

Помолчав с минуту, Леона ответила:

— Все верно. Об этом я тоже размышляю. Дела идут все хуже и хуже. Я конченная наркоманка.

— Возникают ли в вашей голове те самые образы во время принятия веществ?

— Нет. Иногда они возникают, когда действие наркотика уже начинает спадать.

— А молодой человек у вас есть?

— Если вы имеете в виду, связывают ли меня с кем-то не только чувства, но и телесная близость, то нет.

— Есть ли в Голливуде мужчины, которые вызывают у вас уважение?

— Вокруг полным-полно красивых мужчин. Но все они пытаются вести со мной игру, причем очень опасную. Как если б это был покер со множеством джокеров. Но я изначально неполноценна, чтобы меня пригласили за покерный стол для белых людей.

— Вы уверены, что не преувеличиваете, называя это «опасной игрой»?

— Уверена. Взять хотя бы секс — сплошные опасности.

— Вам он неприятен?

Леона призадумалась.

— В чем-то да, в чем-то нет.

— Вас привлекают женщины?

— Я и сама не понимаю. Порой мне кажется, что да. Иногда я подозреваю, что мое нынешнее беспокойство связано с моим воздержанием от сексуальных связей. Лучше уж наркотики, чем мужчины.

— Позвольте, я выскажу свое мнение. Вы пытаетесь сбежать от чего-то к наркотикам. И наша задача — без лишних промедлений установить, что это. Заметно, как

всякий раз, произнося слово «наркотики», вы противопоставляете их сексу.

— А ведь и впрямь... — Леона выглядела ошеломленной. — Вы правы. Видимо, я выбрала наркотики как средство держаться подальше от секса.

— Определенно. Вот мы и продвинулись на шаг вперед. Осталось всего ничего: вы сказали, что сами не понимаете, что делаете, и оттого испытываете страх. По моему мнению, ваша боязнь себя и бегство от секса — взаимосвязанные вещи.

Леона приоткрыла рот, словно ей не хватало воздуха.

— Вы очень суровы, доктор. Словно препарлируете меня. Но я понимаю, о чем вы.

— На мой взгляд, под ваш случай очень хорошо подойдет всем известный Фрейд. Ведь многие эмоции, что не дают вам покоя, уходят корнями в сексуальную сферу.

— Все от секса... Быть может, и так. Основной инстинкт, как-никак.

— Вы испытываете удовольствие во время полового акта?

Леона не сразу ответила.

— В такие моменты я всегда представляю себе пустую матку. Так что нет.

— Но у вас возникают образы, способные вызвать у вас наслаждение?

Леона закусила губы. Сначала у нее задержались кончики пальцев, но постепенно затряслось все ее тело — настолько сильно, что даже психиатр это заметил.

— Я... — Леона изо всех сил пыталась скрыть дрожь в своем голосе, — я страшная женщина. И я знаю почему. Но сейчас не спрашивайте меня об этом. Мне кажется, если я буду настолько откровенна с вами, то распадусь на части.

— А какие образы вызывают у вас приятные ощущения? — Врач был неумолим.

— Я не садистка. Мне невыносимо наблюдать, как страдают другие — особенно когда виновата в этом я. Мне хочется ладить со всеми и не хочется, чтобы меня кто-либо ненавидел. Но в такой клетке я, пожалуй, никогда удовольствия и не почувствую.

— Так как же быть?

Леона не отвечала.

— Немного изменю вопрос: вы сказали, что, занимаясь сексом, видите перед глазами пустую матку. Верно?

— Да.

— Это наводит на мысль, что матка, принимающая в вашем сознании образ пещеры, мешает вам получать удовольствие.

Леона молчала.

— Не возникает ли у вас во время близости чувства, что если постучать по вашей матке, то она издаст какой-то звук?

— Иногда мне кажется, что она отзовется протяжным звуком.

— Понятно. Вы, сами того не осознавая, хотите распахнуть свою матку. Как если б вы открыли гараж для автомобиля, который неизвестно когда приедет, но ни за что не хотели бы впускать в него другую машину, — объяснил психиатр, пристально смотря Леоне в глаза. От его взгляда не ускользнуло, что она вот-вот расплачется. — Могу доказать это, зайдя с другой стороны. Вы сказали, что чувствуете влечение к женщинам.

— Нет... — хотела было отрезать Леона, но запнулась. Немного подумав, она продолжила: — Не думаю, что я лесбиянка. Напротив, такие женщины вызывают во мне отвращение.

— Однако это отвращение превратится в удовольствие, когда вы сами окажетесь на их месте.

Поджав губы, Леона медленно кивнула.

— Думаю, это справедливо для любой женщины. Все зависит от партнера.

— В любом случае важно, что вместе с женщиной почувствовать удовольствие вы сможете. Ведь нет опасности, что она сможет вторгнуться в вашу матку.

— Верно... — Леона вновь казалась пораженной.

— Подсознательно вы хотите оставить свою матку «открытой» для кого-то. Но именно это лишает вас сексуального наслаждения.

Леона запрокинула голову, пытаясь удержать слезы в глазах.

— Леона, вы любите детей?

— Не знаю. Пожалуй, сейчас я как раз-таки ненавижу их. Становиться матерью я не планировала. Но, возможно, всему виной то, что я слишком много думаю и со страхом пытаюсь представить себе материнство.

— Есть ли причины, по которым вы не можете иметь детей?

— Есть.

— Это причины физического характера?

— Нет. Со здоровьем — в том числе женским — у меня всё в порядке. В любом случае сейчас я не хочу об этом говорить.

— Чрезмерная решимость в том или ином вопросе непременно сказывается на человеческой психике. И когда кто-то поднимает на нее руку, она всегда будет защищаться с еще большей силой. Кончится все тем, что у вас пробудится нездоровое внимание к детям, появившимся на свет из чужой утробы. У многих женщин подобное чувство принимает форму враждебности. Бывает, доходит и до порывов к убийству.

Леона слушала, тяжело дыша.

— И все же есть образ, способный дать вам удовольствие. Что это, по-вашему?

Ответа не последовало.

— Позвольте мне сказать? Вашему удовольствию мешает идея жизни. Но ведь вызывает удовольствие у вас именно идея смерти?

Леона медленно кивнула.

— Верно. Я и впрямь ощущаю его, глядя на чью-либо смерть. Убивай я сама, удовольствие стало бы еще сильнее.

— А вы точно знаете, что такое оргазм? Уверены, что правильно себе его представляете?

— Да, уверена.

— Ясно...

— Думаю, своему успеху я обязана силе моего воображения. Мой метод состоит в том, чтобы постоянно представлять себе, чего я хочу добиться. Когда я это делаю, в скором будущем все так и получается.

Тело Леоны прекратило дрожать.

— Только вот отношения и секс с мужчинами не выходят так, как я их себе воображаю, — усмехнулась она. — Разные цели требуют разного количества времени. На мужчин его уходит много. Знаете, я с самого детства представляла себе, какой буду во взрослом возрасте. И то, какой я стала сегодня, полностью совпадает с моими детскими ожиданиями. Но и мои нынешние страхи тоже родом из детства. Я уже сбилась со счета, сколько раз образы, которые я описала вам вначале, приходили ко мне по ночам. Так что в ближайшем будущем эти картины непременно оживут в реальности. Я уверена в этом, потому что до сих пор все выходило именно так. У образов, что я вижу, очень четкие контуры. И я хорошо чувствую, какие вещи станут явью, а какие нет... Может, мною завладела какая-то сила? Древний вампир? Дух злодейки?

ДОЛГАЯ ПРЕЛЮДИЯ

А

Не знаю, что об этом думают другие, а я считаю, что вампиры действительно существуют. Эти создания появляются в качестве вымышленных персонажей на страницах книг из разных эпох, однако люди со склонностью пить чужую кровь жили на свете с ветхозаветных времен. И не просто жили, но обитали бок о бок с нами. Впрочем, мы этого не замечаем — ведь обычно они, как и мы, едят гамбургеры с картошкой и пьют пиво. И все же мы принадлежим к разным мирам, поэтому они не станут шепотом на ушко предлагать вам осушить вместе с ними бокал с кровью девственниц.

Однако в главе 12, стихе 2 Второзакония есть такие слова: «Только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа: не ешь души вместе с мясом».

Важным это предписание считают и свидетели Иеговы, христианская секта, сделавшая своим девизом неукоснительное следование каждому слову в Библии как воле Божьей. Даже при тяжелых заболеваниях их последователям запрещено соглашаться на переливание крови.

Но отчего тогда в Библии сохранился фрагмент, когда на Тайной вечере Иисус Христос говорит апостолам: «Кровь Моя есть истинное питье»?¹

Возможно, Христос провел такое сравнение, поскольку в те времена по земле разгуливало немало людей, питавшихся чужой кровью? Мораль, правившая миром

---

¹ Ин. 6:55.